

Программные тезисы Д. В. Бубриха по истории пермских языков

Более семи десятилетий назад основатель советской школы финно-угроведения Д. В. Бубрих опубликовал статью [Бубрих 1929], представляющую собой своеобразный отзыв на докторскую диссертацию Ю. Вихманна [Wichmann 1915]. Эта небольшая по объему работа (всего 1,5 с.) имела программный характер для дальнейшего развития исторической пермистики во многих отношениях.

Во-первых, Д. В. Бубрих, подвергнув совершенно справедливому сомнению реконструкцию Ю. Вихманном праудмуртского вокализма в 7 единиц, т. е. инвариантное количество гласных фонем основных удмуртских диалектов¹⁴, спровоцировал

---

¹⁴ Правда, касаясь в более поздней работе состава гласных фонем прапермского языка, Д. В. Бубрих [1948: 33] и сам использовал ту же самую логику, что имплицитно содержалась также и в вышеупомянутой работе Ю. Вихманна: “Нет надежных оснований думать, что в древнее пермское время в первом слоге слова употреблялось больше семи гласных, т. е. больше, чем в удмуртском и коми языках в большинстве их диалектов. ... Не отрицая возможности, что в древней пермской речи было больше семи гласных первого слога слова, мы все же, пока что, будем держаться семи: у, о, а, ы, ö, i, э”.

Что же касается специфических диалектных гласных удмуртского и коми языков, то у Д. В. Бубриха было весьма скептическое отношение к ним как к возможным рефлексам более ранних фонем. Так, фонему *ü* (в его записи *y_ы*), встречающуюся в периферийно-южных говорах удмуртского языка, Д. В. Бубрих вслед за Т. Г. Аминоффом и Ю. Вихманном считал поздней инновацией, ибо “это диалектное *y_ы* не имеет никакой поддержки в коми языке”, что впоследствии не нашло поддержки в исторической пермистике (подробнее об этом см.: [Кельмаков 1975: 97]).

Сомнения высказывал Д. В. Бубрих и относительно коми закрытых *o*, *ö* и *э*, “прекрасно выявленных в трудах В. И. Лыткина”: “Как будто похоже на то, что эти три особых гласных звука имеют корни в древней пермской речи. И все же приходится констатировать, что они не имеют никакой поддержки в удмуртском языке. Поэтому отнюдь не отпадает возможность, что они возникли, хотя и в невыясненных условиях, в ходе обособленного развития коми языка”.

последующих исследователей на поиски иных подходов при решении данного вопроса. Он обратил внимание на то, что в относительно недавнее время в истории удмуртского вокализма произошел переход более раннего *o* (~ коми *o*) в *y*, охвативший как исконный, так и заимствованные пласты лексем (по Бубриху, около 130 слов), в то время как в другой группе слов и в настоящее время встречается гласный *o* (~ коми *ö* и *э*). Исходя из этого факта, Д. В. Бубрих пришел к единственно верному в методическом отношении заключению: “На месте теперешнего *o* тогда не могло быть *o*, так как иначе это *o* тоже перешло бы в *y*. На месте теперешнего *o* был какой-то другой гласный” [Бубрих 1929: 19]. Так Д. В. Бубрих доказал, что в праудмуртском (в другой работе – в прапермском) была еще и 8-я фонологическая единица – *икс*. Правда, в разных своих работах он давал различный набор дифференциальных признаков этого искомого гласного:

1) *x*, возможно, “был гласным передним среднего подъема лабиализованным” [Бубрих 1929: 19], т. е. *x* = *ö или *δ. Впоследствии эта гипотеза была принята на вооружение некоторыми финно-угроведами, напр., К. Редей [Rédei 1982];

2) или, переводя этот *x* в прапермскую плоскость, уточняет: “Вполне ясно только то, что он был гласный среднего подъема” [Бубрих 1948: 33], а возникший на его базе праудмуртский *o* имел, по его мнению, открытый характер [Бубрих 1948: 46]. Исходя из этих уточнений, современные исследователи реконструировали *x* то как *ɔ [Нагис 1967], то в виде *ɛ [Кельмаков 1978]. Последняя реконструкция была подкреплена еще и материалом удмуртско-марийского языкового взаимодействия [Кельмаков 1993].

Во-вторых, в этой работе Д. В. Бубрих продемонстрировал метод комплексного использования таких источников изучения истории фонетической системы удмуртского языка, как материалы заимствований и показания родственных языков. При отсутствии ранних письменных памятников¹⁵ и крайней неразработанности к тому времени удмуртских диалектов – важнейших источников изу-

---

¹⁵ Как известно, наиболее ранние письменные памятники удмуртского языка (по меткой характеристике Д. В. Бубриха [1948: 28], “свидетельства наблюдателей”) восходят к I половине XVIII века, когда важнейшие фонетические процессы праудмуртского периода были уже завершены; и они отражают преимущественно современный этап развития фонетической системы и грамматического строя удмуртского языка.

чения истории языка – Д. В. Бубрих вынужден был довольствоваться лишь вспомогательными источниками и выжать из них максимум возможного: ему удалось не только определить направление фонетического изменения (не в коми языке произошло расширение более раннего *у* в *о*, а, напротив, в удмуртском состоялось сужение *о в *у*), но и примерное время протекания этого процесса: “Ряд турецких заимствований и такие русские заимствования, как *кусо* ‘коса’, свидетельствуют, что на удмуртской почве сравнительно недавно произошел переход *о > у*” [Бубрих 1929: 18].

Еще более яркий образец комплексного использования различных источников для решения определенной лингвистической задачи Д. В. Бубрих сознательно дает в “Исторической фонетике удмуртского языка...”. Анализируя с использованием доступных для него источников (материалы современного удмуртского языка, коми соответствия и следы влияния соседних языков на удмуртский) историю анлаутного *r- в удмуртском языке, где в настоящее время вместо него употребляются *ж*- (удм. *жсог* ‘скорый’ – к. *рзгыд* ‘скоро’, удм. *жомыт* ‘сумерки’ – к. *рõмыд*, удм. *жуй* ‘мох’ – к. *рой* и др.) или *з*- (удм. *з’из’эг*, сокращенно *з’эг* ‘рожь’ – к. *руз’ог*, удм. *з’ич’ы* ‘лиса’ – к. *руч’*, удм. *з’уч* ‘лиса’ – к. *роч’* и т. д.), Д. В. Бубрих делает умозаключения о:

1) направлении и способе протекания фонетического изменения, касающегося анлаутного *r*-: “в некий исторический момент на удмуртской почве произошел переход *r* в начале слова в *ж*, а если в коренной части слова дальше было *з’* или *ч’*, то в *з’*” [Бубрих 1948: 29];

2) предполагаемой причине его: “этот звукопереход отражает своеобразное вторжение в удмуртскую речь тюркских звуковых установок: в тюркских языках *r* в начале слова неизвестно” [Бубрих 1948: 29];

3) приблизительном времени рассматриваемого звукоперехода. Учитывая то, что: с одной стороны, звукопереход состоялся в слове *руч’ > з’уч*, попавшем в удмуртский язык “через коми посредство не раньше, чем на перевале между I и II тысячелетиями”, с другой стороны, русские заимствования, которые “могли начать входить прямо из русского языка в удмуртский не раньше середины II тысячелетия”, “не обнаруживают указанного звукоперехода”, Д. В. Бубрих приходит к выводу: “В общем указанный звукопереход приходится к первой половине II тысячелетия” [Бу-

брих 1948: 29–30]. Этот вывод в целом находит поддержку и в более позднем исследовании, где звукопереход праудм. *r- > удм. ѝ- или ѣ- хронологически очерчен рамками раннего праудмуртского периода – пределами X–XIV веков [Кельмаков 1976: 286].

В-третьих, Д. В. Бубрихом именно в этой работе была сделана первая попытка периодизации истории удмуртского языка – он выделил в ней два этапа: “Удм. стар.” и “Удм. нов.” [Бубрих 1929: 19], т. е. *старый удмуртский язык* с 8-гласным вокализмом (до перехода *o > y) и *новый удмуртский язык* с современным 7-гласным вокализмом. В более поздней работе – в книге “Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)” – он противопоставляет “пермский период..., когда звучала еще древняя пермская речь”, нашим дням, “когда звучит современная удмуртская речь”¹⁶. И эти положения Д. В. Бубриха оказались в исторической пермистике весьма перспективными и получили в исследованиях современных специалистов определенное уточнение и неоднозначную разработку [Кельмаков 1976; Csúcs 1983; Чуч 1992]. Тем не менее однозначно выделяются в истории удмуртского языка *прапермский период* и различные этапы *праудмуртского*, о чем Д. В. Бубрих впервые заговорил – хотя и не совсем последовательно и полно – еще в работе 1929 года.

Библиографический список

Бубрих Д. В. К вопросу о пермском вокализме // Бюллетень Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Л., 1929. № 4. С. 18–19.

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 112 с.

Кельмаков В. К. Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах // СФУ. 1975. № 2 (XI). С. 96–104.

---

¹⁶ “В данной книге мы к сравнению с удмуртским языком привлекаем только язык, объединяемый с удмуртским в так называемых пермских рамках, – коми язык. В этих рамках сравнение позволяет выяснить историю удмуртского языка в течение так называемого пермского периода – от древнего пермского времени, когда звучала еще древняя пермская речь до наших дней, когда звучит современная удмуртская речь. Древнее пермское время, а с ним и древняя пермская речь уходят в глубину I тысячелетия нашей эры” [Бубрих 1948: 28].

Кельмаков В. К. К вопросу о периодизации истории удмуртского языка: На материале исторической фонетики // СФУ. 1976. № 4 (XII). С. 283–288.

Кельмаков В. К. К вопросу о “двух о” в праудмуртском языке // СФУ. 1978. № 1 (XIX). С. 20–40.

Кельмаков В. К. Еще раз о качестве “восьмой” праудмуртской гласной фонемы // Hajdú Péter 70 éves. Budapest, 1993. С. 159–163.

Чуч Ш. Периодизация истории удмуртского языка // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. тр. / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1992. С. 29–47.

Csúcs S. A votják nyelvtörténet korszakai // Urálistikai tanulmányok. Budapest, 1983. 85–94 old.

Harms R. T. Split, Shift and Merger in the Permic Vowels // UAJb. (Wiesbaden) 1967. № 3–4 (39). P. 163–198.

Rédei K. Szófejtések // NyK. 84 (1982). 221–228 old.

Wichmann Y. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. Helsinki, 1915.

В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)